

Интенциональность и проблема “непрозрачных контекстов”

Если идти по пути интерпретации феноменологии Гуссерля, используя понятие смысла, то можно наблюдать интересный результат. В работе “Введение в феноменологию для философов-аналитиков” Дагфин Фоллесдаль указывает на возможность взаимосближения аналитической философии и феноменологии на основании прочтения Гуссерля через влияние Готлоба Фреге на его философию. Здесь, для прояснения концепции акта сознания используется различие имени, смысла и референта. Возникает параллель сопоставления:

Имя – Смысл – Референт

Акт – Нозма – Объект

“Трансцендентность вещи не означает, что то, что мы видим, слышим, обоняем и так далее, представляет собой нечто отличное от самой вещи. Объект - трансцендентен чувственному восприятию (другими словами, нозма акта никогда не может быть наполнена полностью), но он, вследствие этого, не является непознаваемым. Наоборот, он есть то, что познаётся в акте” [Фоллесдаль Д. Введение в феноменологию для философов-аналитиков. Цит. по эл. верс. philosophy.ru].

Подобное сопоставление объясняет, как Гуссерль преодолевает затруднения Brentano связанные с теорией интенциональности в тех случаях, когда сознание человека направлено на вымышленный объект, на кентавра, например. “Brentano считал, что даже в этих случаях наша ментальная активность - наше размышление или наше чувственное восприятие - направлена на некоторый объект. Направленность, по его мнению, не имеет никакого отношения к реальному существованию объектов. Объект внутренне присущ нашей ментальной активности, он содержится в ней ‘интенционально’. И Brentano определял ментальные феномены как “феномены, которые содержат объект интенционально” [Там же]. Гуссерль не оспаривает принцип интенциональности, но отличает содержание восприятия от объекта. Направленность означает обладание нозмой, по средствам которой акт направлен на объект, если таковой существует. “Следовательно, то, что сделал Гуссерль, было результатом комбинирования теории интенциональности с теорией имени-смысла-референта” [Там же]. Таким образом, вымышленный кентавр, нозма, с которой имел бы проблемы Brentano, просто не будет соответствовать “нозматическому ядру” нашего акта, ожиданиям от наблюдения “существующего” кентавра. “Также, здесь нетрудно увидеть близкую связь феноменологии с аналитической философией. Поскольку, так же, как философы аналитики, особенно представители так называемого лингвистического направления, анализируют *смысл*, феноменолог анализирует *нозмы*, или смыслы актов в целом” [Там же].

Таким образом, возможно сопоставление позиций феноменологии и аналитической философии, философии языка в вопросе понимания смысла, где до сих пор существует проблема взаимоотношения “фактуальной и лингвистической истин”. Здесь отличие смысла кроется также в том, что Уайтхед и Рассел называли “непрозрачными контекстами”, а Фреге не называя, прямо указывал, что имена имеют “косвенный референт” в этих контекстах. Имя в этом случае является именем своего смысла, а не референта. В том, что особенности “непрозрачных контекстов” не позволяют свести их к высказываниям “неинтенционального характера” разногласий, по-видимому, нет. Так как не известны удачные попытки подобного рода действий. В результате если Brentano и Гуссерль видят в этом необходимость феноменологии, как отдельной области, занимающейся интенциями, то Уиллард ван Орман Куайн воспринимает такую несводимость высказываний как свидетельство об отсутствии содержания феноменологии. Об этом идет речь в его работе “Слово и объект” [W.V. Quine, Word and Object (Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, and New York: Wiley & Sons, 1960). Эл. верс.].

Напротив, существует мнение о возможности сближения феноменологии и аналитической философии. Построением подобной дисциплины "лингвистической феноменологии", о чем свидетельствуют его разрозненные тексты, занимался Джон Остин, а в последствии - его ученик в 50е гг. Джон Серль. Серль в труде 1983 года "Интенциональность" рассматривает философию языка как ответвление философии сознания [См.: Грязнов А. Джон Серль и его анализ субъективности // Серль Д. Открывая сознание заново. М., 2002. С. 7]. Он наследует критике Остина, направленной на аналитическую философию начала XX века, ориентирующуюся "на идеальных носителей семантической информации" [Там же]. Теория речевых актов Остина (Ему принадлежит концепция трехчленной структуры единого речевого акта: локутивный, иллокутивный, перлокутивный акты) используется Серлем. В его интерпретации Репрезентативность речевых актов - следствие биологической способности соотнесения организма и мира с помощью интенциональных ментальных состояний [Там же. С. 8]. Опубликованная I глава книги "Новое открытие сознания" 1992 года иллюстрирует обращение философа-аналитика к человеческой субъективности. Эта концепция - образец взаимодействия философских представлений касающихся языковых и внеязыковых актов, языкового и неязыкового понимания смысла.